

готова вместе с Россией и Англией предупредить Вену о необходимости соблюдать сдержанность по отношению к Белграду. Но этот план не поддержала Англия, продолжая свою провокационную политику. 20 июля в Россию приехал президент Р. Пуанкаре, который достаточно двусмысленно советовал России проявить твердость перед лицом австрийских угроз Сербии и подтвердил готовность Франции совместно с Россией искать пути мирного разрешения кризиса. Пуанкаре, зная уклончивую позицию Англии и о расколе во французском парламенте, вряд ли мог занять бескомпромиссную позицию и, тем более, оказывать давление на Россию в этом вопросе.

Следовательно, царь делал выбор вполне самостоятельно, исходя из своего понимания и своей оценки соотношения сил и рисков.

5. Именно в оценке соотношения сил и рисков Николай II допустил роковой просчет. Опираясь на опыт прежних европейских войн и помня о победах русского оружия в войнах против Пруссии, царь не считал Германию страной, способной победить Россию. А в союзе России с Францией победа Германии казалась тем более невысказанной. В условиях, когда и Англия могла присоединиться к войне против Германии, момент для разгрома Австро-Венгрии и Германии представился весьма благоприятным.

Однако это была ошибка. Она коренилась в непонимании нового характера войны, которая требовала огромных экономических ресурсов и стабильного в социально-политическом отношении тыла. Эта была война, в которой на первый план выходили такие факторы как экономический потенциал и социально-политическая стабильность общества. Последний фактор в России оказался самым слабым, что и определило для нее исход войны.

Хириси Сакамото

ВЗГЛЯД Г. В. ПЛЕХАНОВА НА ИСТОРИЮ ЛИТВЫ

Как М. В. Пронина в своей кандидатской диссертации «Груд Г. В. Плеханова «История русской общественной мысли»: История создания, источники» упоминает¹, Плеханов в письме к Н. А. Рубакину спрашивался о наличии в библиотеке адресата книг по истории Литовского княжества: «Поместья Литовского государства» и «Формы крестьянского землевладения в Литве» М. Ф. Владимирского-Буданов

ва»; «Областное деление Литовского государства» и «Литовско-русский сейм» М. К. Любавского, «Очерки истории литовско-русского права» Ф. И. Леонтовича; «Сеймы литовско-русского государства» Н. А. Максименко; «Великое княжество Литовское» И. И. Лаппо; «Государственное хозяйство Великого княжества Литовского» и «Очерки по организации западно-русского крестьянства» М. В. Довнар-Запольского². А к этому сведению нелишне было бы добавить факт, что этот перечень материалов находится в книге С. Ф. Платонова «Лекции по русской истории»³. Несомненно, что Плеханов узнал об этих материалах в книге Платонова и написал Рубакину.

Нам интересно, что Плеханов в том же письме отмечает: «Как видите, все эти книги относятся к истории Литовского княжества. Я считаю, что изучение этой истории безусловно необходимо для правильного суждения о «русской» истории (т. е. об истории Великороссии)»⁴. Но какое правильное суждение о «русской» истории он имеет в виду?

В Доме Плеханова сохраняется книга Платонова с пометами Плеханова⁵. Из них видно, что Плеханов внимательно следит за положением литовской шляхты в XVI в. Например, им подчеркнуты следующие строки в книге Платонова: «Более всего польскому влиянию поддавалось литовское дворянство, стремившееся занять в Литве то же положение, какое польская шляхта занимала в Польше»; «литовская шляхта, не имевшая еще большого политического влияния, под давлением сильной литовской аристократии быстро достигала его на общих сеймах с поляками»⁶. К этим строкам он делает заметки: «В Литве антагонизм шляхты и магнатов вел к ополячению. У нас к абсолютизму»⁷. Плеханов считает, что литовская шляхта предпочитала польские порядки московским, потому что московские служилые люди становились бесправными «холопьями» великого князя. Во введении на «Историю русской общественной мысли» он пишет: «Короче, общественно-политические порядки, восторжествовавшие в Москве, убили всякое сочувствие к ней со стороны высшего сословия единоплеменной Литовской Руси и тем толкнули это сословие в объятия Польши, которая была классической страной шляхетских вольностей»⁸.

И Плеханов, возражая «исследователям, жалующимся на то, что этот класс ополячился», указывает: «Прежнее *тяготение* этого класса к Москве уступило место его *отвращению* от нее значительно раньше, чем совершилось его *ополячение* (курсив — автора)»⁹. По его мнению,

в XVI в. только немногие представители литовской шляхты усвоили себе польский язык, а польские обычаи с языком могли считаться принятыми ей лишь во второй половине XVII в. И далее пишет: «нельзя было оставить без анализа социально-политические причины, породившие названный факт ополячения. После сказанного ясно, что у нас никакого основания сваливать на поляков ответственность за этот факт»¹⁰.

Упомянув о разделе Польши, Плеханов рассуждает следующим образом: «...почти dokonченное Петербургом собиране русских земель изменило соотношение общественных сил в России не в пользу прогресса, а в пользу застоя. Эта неблагоприятная для прогресса перемена в соотношении общественных сил явилась как бы историческим наказанием всего русского народа за то, чем погрешила собственно только великорусская его часть: за продолжительное господство в Москве общественно-политического строя, свойственного восточным деспотиям»¹¹.

Судя по этому рассуждению, когда Плеханов писал Рубакину о необходимости изучения литовской истории для «правильного» суждения о великорусской истории, он имел в виду необходимость дать критическую оценку общественно-политическому строю Московской Руси, сравнивая его со строем Литвы.

В этом отношении интересно, что в другом месте «Истории русской общественной мысли» Плеханов рассматривает возможность «ополячения» боярства Московской Руси. Упомянув о статье 11 договора февраля 1610 г., требующей запрещения конфискации имущества, он пишет: «Осуществление этого требования, в самом деле, составило бы важную эпоху в истории Московского государства. Оно оградило бы имущественные права, по крайней мере, высших слоев населения и тем самым создало бы ту социальную основу, на которую только и могли бы опереться при подходящих обстоятельствах политические права этих слоев»¹². После этого он замечает: «Но оно осталось неосуществленным. Смута нанесла окончательный удар родовитому боярству, которое было более всех других классов заинтересовано в неприкосновенности «отчизн и маетностей»¹³.

Положительная оценка у Плеханова польско-литовского влияния свидетельствует, что он был далек от национальной односторонности, когда он судил об исторических вопросах.

Примечания

¹ Пронина М. В. Труд Г. В. Плеханова «История русской общественной мысли»: история создания, источники. СПб., 2005. С. 71—72. На правах рукописи.

² Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. 3. М., 1974. С. 263.

³ Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 156.

⁴ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Там же.

⁵ РНБ АДП. В. 4447. Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. Изд. 6-е, испр. и доп., СПб.: Блинов, 1909.

⁶ Там же. С. 394—5.

⁷ Там же. С. 394.

⁸ Плеханов Г. В. Сочинения. Т. 20, М.; Л., 1925, С. 97.

⁹ Там же. С. 96.

¹⁰ Там же. С. 99.

¹¹ Там же. С. 98.

¹² Там же. С. 203.

¹³ Там же.

Н. Э. Вашкау

НЕМЕЦКИЕ СОЛДАТСКИЕ ПИСЬМА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Письма непосредственных участников как Первой, так и Второй мировой войн относятся к числу тех свидетельств, которые недостаточно привлекаются при исследовании истории. Нынешний 2014-й — год в историческом отношении особый. Исполняется 100 лет начала Первой мировой войны и 75 лет начала Второй мировой войны. В ФРГ публикуются воспоминания и исследования, посвященные дипломатическим и военным аспектам двух мировых катастроф. Немецкие историки вновь спорят о степени вины кайзеровской Германии за подготовку и развязывание Первой мировой войны, и вина по истечении времени оказывается уже не столь значительной¹.

За последние 20 лет в исторической науке значительно возрос интерес к «человеческой стороне» войны, к психологии, поведению, моральному состоянию солдата в боевой обстановке, поэтому источники личного происхождения становятся важным аргументом в споре сторон о тяжести вины и последствиях войны в данном контексте. Письма позволяют проводить более глубокий анализ исторических событий,